

Дмитрий Шашков

Палеолитическая трагедия

16+

Дмитрий Андреевич Шашков
Палеолитическая трагедия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66225506

SelfPub; 2021

Аннотация

Учёный-археолог и исследуемые им люди верхнего палеолита оказываются связаны поиском ответов на одни и те же вопросы...

Дмитрий Шашков

Палеолитическая трагедия

Солнечным днём я шёл через высокую траву по бескрайней степи. Солнце хоть и светило ярко, но грело слабо, а пронизывающий ветер и вовсе заставлял меня мёрзнуть. К тому же, моя одежда и обувь – пиджак, брюки и лакированные ботинки – никак не подходили для долгого пути. В такой одежде и обуви удобно разве что сидеть, может быть, стоять, но никак не идти! Да и сам я, чего таить, со своим, большую часть года, сидячим образом жизни никак не готов к длительным пешим переходам и быстро устаю от ходьбы. На моё счастье, степь не была совершенно гладкой и пустой – впереди виднелись утёсы, небольшие перелески, а что самое главное, вился лёгкий дымок – там было человеческое жильё! Туда я и направил шаги своих усталых, слабых ног. Шаги мои на фоне огромного пространства степи казались такими крохотными, да ещё высокая трава, при полном отсутствии какой-либо дороги, делала это путешествие для меня почти невыносимым.

Но вот уже близок тот утёс, над которым вьётся дымок. Дымок поднимается над скальным уступом, нависающим над землёй; пространство под уступом огорожено грубой постройкой из шкур животных, наброшенных на воткнутые в землю крупные кости. Ничему не удивляясь, я подхожу всё

ближе, думая только о том, чтобы согреться и дать отдых разболевшимся, натёртым ногам. Вот и житель этого дома, не обращая на меня внимания, тоже спешит войти внутрь. Я сле-
дую за ним, что есть сил, как будто он меня ведёт, приглаша-
ет за собой. На нём широкая кожаная куртка, сшитая круп-
ными стяжками, без каких-либо застёжек, только с прорезью
для головы и капюшоном, сейчас откинутым на спину, и та-
кие же кожаные штаны, представляющие собой единое целое
с кожаной обувью без подошвы. Он смугл, у него длинные
тёмные нечесанные волосы и чёрная густая борода. В одной
руке он несёт увесистый камень. Я из последних сил спешу
вслед за ним к дому, а он, не спеша, но широкими, уверен-
ными шагами сильных ног заходит за ограду из шкур, через
просторный вход, служащий одновременно дымоходом.

Не задумываясь, я последовал за ним внутрь. Посредине
горит костёр, вокруг него расположилась человек двадцать
или более разного возраста и пола, но все такие же смуглые и
длинноволосые, у всех очень похожие кожаные одежды, раз-
ве что куртки у многих сняты, так как здесь довольно теп-
ло, обнажив мускулистые, жилистые торсы мужчин и груди
беззастенчивых женщин. В дальней от входа стороне, между
костром и образованной утёсом естественной стеной, возят-
ся дети; они и вовсе голые, так как между костром и стеной,
видимо, совсем тепло. На стене многочисленные рисунки, в
основном, со сценами охоты на различных крупных живот-
ных, причудливо освещённые пламенем костра. Взрослые,

кто помоложе, сидят на корточках, кто постарше – на сшитых шкурах, набитых, наверное, травой. Поодаль от входа аккуратно поставлены несколько копий с каменными наконечниками, а у костра, на видном месте, лежат крупные каменные рубила и более мелкие орудия – каменные резцы, скребки, проколки, костяные иглы.

На меня же ни один из этих людей не обращает внимания, будто меня вовсе ещё не существует. Все смотрят на вошедшего передо мной человека с камнем в руке, только дети продолжают свою возню. Он не торопясь снял через голову куртку, не выпуская из руки камня, и, насладившись всеобщим вниманием, протянул, наконец, на вытянутой руке камень поближе к костру, чтобы все увидели, – это был крупный кусок кремния – и довольным голосом громко произнёс:

– Ве-су! Тхаман весу эстцэ!

– Весу, весу! – соглашались все, одобрительно покачивая головами, а одна молодая, полногрудая женщина встала и, подойдя к нему, обняла за мощные плечи и нежно поцеловала. Мужчина заулыбался и, присев на корточки, принялся за работу. Положив кремень на специально устроенный у костра камень-основание, мужчина с помощью другого камня быстрыми и точными движениями принялся отбивать от него мелкие отщепы, придавая ему постепенно листовидную форму. Женщина тоже присела рядом и, подбирая отщепы, осматривала их, выбирая наиболее подходящие для создания мелких орудий. Затем с помощью куска кости и камня

принялась править понравившиеся куски, превращая отщепы в проколки, резцы или скребки. Тем временем мужчина, сделав из кремния прекрасный листовидный наконечник, торжественно раскрасил его красной охрой...

Я вдруг ясно понял, что это сон. Начавшись таким печальным, холодным и одиноким, он теперь стал теплым и захватывающе интересным, и вот именно теперь я понял, что это всего лишь сон, и неудержимо просыпаюсь... Вот, сижу за рабочим столом в своём кабинете. Передо мной ноутбук с этим бесконечным отчётом по моей археологической экспедиции, который я всё никак не могу закончить. Богатое захоронение палеолитического охотника... Рука болезненно затекла – я спал, уронив на неё голову. Мысли со сна вялые и тяжёлые, голова не соображает. Встаю со стула, медленно распрямляя затёкшее тело, иду на кухню приготовить себе кофе, надеясь им взбодриться. До чего пусто и одиноко моё жилище по сравнению с той людной полупещерой в моём сне! Там весело потрескивает костёр и вокруг собралась большая, дружная семья, а здесь у меня что?.. С женой мы давно в разводе, единственная дочь осталась с ней. Конечно, видимся иногда, уже теперь почти взрослая... Кофемашина послушно шумит, наливает мне горячий, ароматный напиток. Взяв тонкую фарфоровую чашку, отправляюсь обратно в кабинет. Всё же надо научиться радоваться тому, что имею, – у меня интересная работа, успешная карьера. Да и

минувший сезон был хорош – экспедиция, множество находок верхнего палеолита, – теперь все их описать, проанализировать, кроме того, стратиграфия... В общем, сдать, наконец, этот затянувшийся отчёт. Материала теперь полно – примусь за докторскую – а ведь многие коллеги-сверстники ещё даже не кандидаты...

И вот опять буду выдавливать из себя этот бесконечный текст, текст, текст – разве этого я хотел от жизни? Разве это привлекает меня в древности, в любимых первобытных обществах? Что-то там есть, чего у меня нет. Здоровый коллективизм? Крепкая семья? Да нет, семьи у них были, видимо, весьма условные, тогда уж родовая община, а не семья. Насчёт коллективизма – наверное, но ведь и у меня есть родня, друзья, знакомые. А в сезон, в экспедицию, “в полях” – чем мы хуже тех древних? Тоже наедине с природой, тоже много совместного, дружного труда... Неужто человеку нужно совсем раствориться в коллективе, чтобы быть счастливым? Ну уж нет! Да и откуда известно, что те, древние, «растворялись»? И, если да, что были при этом счастливы?.. Всё вопросы без ответов. Зачем их задавать? Лучше уж делать, что получается, – свой отчёт, например. И не задавать лишних вопросов. А те, древние, ловко делая свои каменные орудия, неужели не спрашивали себя больше ни о чём? Конечно, спрашивали! Какие же они иначе люди!

Надо бы мне не отчёт про них писать, а... роман! Вжиться в их мир, насколько, конечно, я его себе представляю – а ведь

представляю, я уверен, лучше многих!

Итак, мужчины нашего рода выходят на охоту на крупную дичь. Охота предстоит большая, на неё сходятся и другие рода нашего племени, живущие по соседству. Но сначала, перед охотой, ритуал: один из мужчин чертит на земле силуэт добычи, которую желает найти, – положим, это бизон или лошадь, да хоть мамонт... Мужчина этот, кстати, сам не шаман и не жрец никакой, просто он хорошо рисует, – в наше время ещё нет такой чёткой специализации человеческой деятельности, как нет и вождей – все мы, взрослые мужчины, действуем сообща на охоте, все вместе решаем важные вопросы, если они возникают. Женщины, понятно, готовят пищу, собирают плоды, корни, съедобные травы... Итак, в начертанный силуэт добычи кидаем свои копьё-дротики, наконечники которых раскрашены красной краской, и воодушевлённые, отправляемся в путь. Нас, вероятно, сопровождают подростки – несут за нами часть вооружения: метательные копьё-дротики и палеолитическое техническое достижение – копье-металки – простые палки с крючком-упором на конце, куда упирается торцом древко копья, что позволяет бросить его значительно дальше; также несут рубила для разделки туш... На всё это ведь надо немало рук, чтобы только унести, а у нас ни карманов, ни сумок.

После утомительного перехода по высокой траве, мы заметили, наконец, вдали другую группу людей, во всём похо-

жую на нашу. Все мы очень оживились и поспешили к ним – это были наши собратья из другого рода нашего племени. Они тоже поспешили нам навстречу. По мере приближения стали различимы идущие впереди взрослые охотники с копьями и копьёметалками в руках, такими же, как у нас, следом так же поспешали подростки с запасными копьями, некоторые с рубилами.

Когда две группы сблизились настолько, что можно было услышать друг друга, мужчины с обеих сторон стали выкрикивать традиционные приветствия.

– Вороны приветствуют кабанов, – называем мы тотемы наших родов.

– Кабаны приветствуют воронов!

– Вороны отдадут своих сестер замуж за кабанов!

– Кабаны отдадут своих сестер замуж за воронов!

Сёстры – единственное, что мы можем предложить друг другу, – ведь всё у нас одинаково – та же пища, которую добываем на охоте, те же охотничьи уголья, те же камни, из которых делаем оружие и орудия труда. И только в жены мы не можем брать сестёр, девушек своего рода, это навлечет страшное проклятье на весь род, не говоря уж о детях такой пары! Рода, допускаявшие такое, вымирают...

Встретившись, наконец, лицом к лицу с кабанями, мы обмениваемся с ними рукопожатиями – это тоже часть ритуала, призванного показать, что в руке не спрятано рубило или камень. Мужчины обмениваются рукопожатиями по очереди

сначала одной, потом другой рукой, перехватывая при этом копьё с копьёметалкой в свободную руку. Подростки – у них в руках действительно у многих рубила, которые они носят за нами, – в ритуалах всё равно не участвуют, стоят поодаль и почтительно наблюдают. Закончив с церемонией, многие мужчины искренне обнимаются со старыми знакомыми из другого рода, которых давно не видели, поскольку даже на крупные охоты редко удается собрать сразу все роды, хоть и кочующие все следом за одними и теми же стадами животных, но при этом всё же живущими большую часть времени независимо друг от друга, и нечасто встречающимися в степи.

Закончив с приветствиями, мы все вместе двинулись в путь спиной к солнцу – мы всегда так делаем в поисках добычи, так как солнце при этом не слепит нам глаза, более того, позволяет подойти максимально близко к добыче незамеченными. Солнце всегда за того, кто доверчиво подставляем ему спину, и против того, кто дерзко пытается смотреть в его сторону – таков его странный нрав! – если же кто будет столь дерзок, что станет смотреть прямо на солнце, вскоре будет наказан болью в глазах, а то и вовсе ослепнет.

Итак, взяв в союзники солнце, мы действительно вскоре обнаружили первую добычу – это был табун диких лошадей, мирно пасущийся вдалеке. Но попробуйте поймать в степи дикую лошадь! Мы разделились на две группы и, прячась в траве, принялись окружать табун с двух сторон. Одна группа

должна была погнать лошадей на другую, а другая, спрятавшись в высокой траве, подпустить поближе и закидать копьями. Раненых лошадей, когда они отстанут от табуна, затем догонят и добьют. Кабаны первыми спугнули их и погнали в нашу сторону, однако лошади на этот раз оказались хитрее и воронов, и кабанов, – табун понёсся слишком далеко от нас для надёжных бросков наших копий. Мы, конечно, всё равно метали их, как могли далеко, и даже видели, что они на излёте почти достигали цели, несколько раз даже, кажется, оцарапали крупы и спины лошадей, но не нанесли им серьезных ран. Табун пронёсся мимо, а мы лишь сопровождали его стремительный бег тяжелым вздохом разочарования. Кто-то из подростков даже расплакался, и один из мужчин отвесил ему звонкий подзатыльник, чтоб не ревел.

Голодные, мы отправили собирать не оправдавшие надежд копья. Собрав их и дождавшись кабанов, таких же разочарованных и молчаливых, как мы, все вместе опять двинулись в путь спиной к солнцу.

Спустя некоторое время на горизонте вновь появилось стадо каких-то животных, мы в нетерпении прибавили шагу. Подростки на этот раз отставали, некоторые хныкали, не выдерживая тягот пути, тогда мы забрали у них все копья и поспешили вперёд без них. Казалось, животные совсем не становятся ближе, хотя они явно не убегали, а мирно бродили. Видно, они были очень большие. Таков нрав всего большого, обманывать на большом расстоянии. Каково же было

наше разочарование, когда мы поняли, кто это – это были мамонты! Увы, нас было слишком мало, чтобы напасть на стадо мамонтов! Для этого нужно было бы собрать все рода племени, а мы поспешили начать охоту силами всего двух родов. Усталые и голодные, мы молча опустились в траву, чтобы хоть немного отдохнуть и дожидаться наших подростков.

Добравшись до нас, запыхавшиеся подростки сначала с недоумением смотрели на взрослых мужчин – чего это мы устало сидим на земле, вместо того, чтобы преследовать добычу? – а когда поняли, что мы отказались от добычи, и вообще пали духом, многие стали ныть, жаловаться на голод, а один даже дерзнул сказать взрослым, что мы плохие охотники. Тогда некоторые мужчины вскочили, чтобы хорошенько всыпать ему, но он в страхе бросился бежать. Преследовать его никому не хотелось, зато досталось другим подросткам за то, что ныли и действовали взрослым на нервы. Тем не менее, эта ссора всех как-то взбодрила, позволив выплеснуть общее разочарование. Все быстро помирились, только убежавший мальчишка никак не возвращался. Нам было жаль его, ведь если он не догонит нас, то погибнет один в степи от голода, или его растерзают хищники, но мы не могли ждать его долго, потому что нас ждали с охоты наши голодные матери, жёны и сёстры.

И мы вновь двинулись в путь спиной к солнцу, но шли недолго, потому что оно вскоре стало подсказывать нам о

близости ночи. Тогда мы начали готовить костёр, так как ночью всегда приходит холод. Заодно собирали, какие находили, коренья, как это делают женщины; кореньями немного притупили голод, хотя после утомительного дневного перехода такой пищи было, конечно, слишком мало – голод скоро должен был вернуться.

Пока одни расчищали площадку для костра, другие собирали хворост в ближайшем перелеске. Выбрав пару самых сухих палок и очистив их от коры, один из нас с помощью рубила проковырял небольшое углубление в палочке побольше и положил её на землю. Другой, уперев в углубление конец ещё одной палочки, принялся быстро-быстро вращать её между ладонями, пока из места трения не потянулся еле заметный дымок. Все, столпившись вокруг, одобрительно закивали и начали подкладывать в зарождающийся огонь сначала самые крохотные сухие кусочки травы и коры. Новорожденный огонь требует с собой самого нежного обращения, как женщины обращаются с новорожденным младенцем. Затем его ещё довольно долго раздували и выкармливали корой и травой, пока он совсем не окреп, и только тогда стали класть крупные ветки и охапки сухой травы. Вскоре огонь запылал в полную силу! Мы очень радовались – ведь далеко не всегда огонь появляется на свет жизнеспособным!

В приподнятом настроении мы все уселись вокруг костра, жуя коренья, какие кому удалось найти при сборе хвороста и расчистке места для костра. Жёсткие и невкусные, они те-

перь нам казались желанной пищей.

Когда совсем стемнело, у нас случилась ещё одна радость: вернулся убежавший мальчик, – пришёл, заведя костёр в степи! Мы посадили его поближе к огню, некоторые поделились своими кореньями. Немного насытившись, мальчик начал говорить, и все его стали слушать. Вообще, взрослые редко слушают подростков – о чем они могут рассказать? У них нет ещё опыта, у них и постоянных имён ещё нет, пока не пройдут инициацию и не станут взрослыми охотниками. Но на этот раз все слушали внимательно о том, как он был один в степи, – не всякий взрослый охотник имеет этот опасный опыт!

Сначала он долго бежал без оглядки от страха, напуганный собственной дерзостью. Затем, поняв, что за ним никто не гонится, упал в траву и почти мгновенно заснул от усталости. Проснулся он уже ночью от холода. Над ним было бескрайнее звёздное небо – он ещё никогда не видел небо таким, да и мало кто вообще видел! Обычно, у костра звёзд почти не видно, они прячутся от огня, и вряд ли кто пойдет ночью в степь только для того, чтобы смотреть на звёзды. А вот он был один, ночью и, несмотря на холод, продолжал наблюдать. Он видел, что, кроме звезд, небо пополам делит небесная змея, она извивалась и клубилась, и была цвета женского молока, каким женщина кормит младенца из груди. Ещё он видел, что некоторые звёзды, не удержавшись на своей головокружительной высоте, стремительно падали вниз. Но

вот что напугало его по-настоящему – не ночной холод, не огромная небесная змея и не падение звёзд – он вдруг понял, что все звёзды вместе, всё мироздание движется! И не было ничего неизбежного в небесах! Закончив свой рассказ, мальчик заплакал и сказал, что очень хочет найти хоть одну такую звезду, которая бы стояла неизбежно.

Взрослые переговаривались вполголоса, не зная, можно ли ему верить и, если да, что всё это значит? Затем, поговорив, решили, что есть зато неизбежное на земле: сколько помнят старики, стоят утёсы, – трава исчезает и деревья меняются в зависимости от времени года, и даже солнце идёт по небу по-другому и греет по-разному, – а вот утёсы стоят в степи неизбежно, и к ним всегда можно примостить человеческое жильё, и рядом всегда можно похоронить умерших, и утёсы вечно будут указывать то место...

Наконец, все заснули вокруг костра.

Когда взошло солнце, стоянку огласили радостные крики – вдали над степью кругами парили наши крылатые братья-вороны! Они указывали нам, где пища – и пусть это падаль, сейчас мы рады и такой – и нашим крылатым братьям не впервой выручать нас так в трудную минуту! Мы поспешили к ним. Однако, подойдя к падали, мы поняли, что на неё, кроме крылатых братьев, успели уже слететься и злые духи. Известно, что съев осквернённую ими пищу, получишь проклятие, болезнь и, возможно, смерть. Мы остановились в нерешительности, подстёгиваемые голодом, но

удерживаемые отвращением и страхом перед последствиями. Кто-то предлагал изгонять духов огнем, и вообще-то, это действительно работает, однако, судя по запаху, здесь пришлось бы просто скормить огню всё мясо без остатка, чтобы изгнать из него духов. Рассудив так, мы грустно смотрели на наших крылатых братьев, преспокойно пиршествующих падалью – им духи были, почему-то, не страшны! К ним присоединились и более крупные птицы, лысоголовые грифы, – сразу двое из них уселись на труп и не спеша клевали его. И тут один из кабанов внезапно взмахнул копьём и бросил его в грифа. Мы, вороны, ахнули от возмущения и испуга, так как он мог попасть в наших братьев, но, по счастью, – и для братьев и для кабанов – попал действительно в грифа, и, ликуя, бросился за трофеем.

Впрочем, трофей был очень скромный, лишь крупная птица, на нас всех этого очень мало; возвращаться же с таким к нашим голодным матерям, жёнам и сестрам – просто стыдно! Итак, мы опять сложили костёр, наскоро разделив и обжарив тушку молча съели по кусочку, и поспешили дальше, опять спиной к солнцу.

Вскоре мы вновь увидели на горизонте какое-то стадо, и вновь в надежде прибавили шагу. Сначала опять казалось, что стадо не двигается, пока мы не поняли, что оно идёт прямо на нас. Но, к сожалению, это опять были те же мамонты, что мы видели прежде. Пришлось отойти в сторону с их пути и залечь в траву, чтобы не попасться им на глаза – всякий

знает, как агрессивны бывают мамонты!

И вот, когда стадо с топотом шествовало мимо нас, лежащих без движения в высокой траве, один из нас вдруг встал во весь рост. Его звали Тхазус, что значит Дерзкий, это был тот самый охотник, что накануне этой охоты нашел прекрасный кремний и сделал из него новый наконечник, а его красива жена – несколько маленьких инструментов. Он крикнул во весь голос: "Братья, что вы прячетесь?" И со всей силы метнул копьё в ближайшего мамонта... Все мы испуганно вжали головы в плечи и сильнее прижались к земле. Однако ничего не случилось – мамонты, как ни в чём не бывало, продолжили своё шествие, только один из них уносил теперь на себе копьё, воткнувшееся в его шкуру. Он даже не сбавил хода или не прибавил! Конечно, одно копьё не могло повредить мамонту. Тхазус грустно посмотрел ему в след, потом раздосадовано сказал остальным: "Ну и зачем вы прятались?"

На самом деле, мамонты вполне могли кинуться на нас, так что лучше было всё же не показываться им на глаза, более того, он напрасно потерял хорошее копьё, однако никто не стал возражать ему, зная его упрямый нрав, да и что толку возражать взрослому самостоятельному охотнику? Мы снова отправились в путь, снова спиной к солнцу.

К вечеру того дня нам наконец посчастливилось! Встретив стадо гигантских оленей, мы привычно разделились на две группы, одна группа опять погнала стадо на другую, пря-

тавшуюся в траве, и на этот раз животные побежали достаточно близко и брошенные копья разили наверняка! Раненые олени громко ревели от боли, мотали на бегу своими огромными рогами, тщетно пытаясь освободиться от торчавших из их спин копий. Сначала они ещё продолжали бежать, и мы бросились следом. Очень вскоре один, второй, третий стали отставать от стада, затем ещё и ещё, а мы по очереди окружали каждого и приканчивали ударами копий. Затем, возбуждённые и радостные, начали разделять туши рубилами, чтобы на завтра по частям нести их нашим матерям, жёнам и сёстрам. Горячая кровь хлестала из-под рубил, многие из нас от радости просто танцевали вокруг, перемазанные кровью. Другие принялись раскладывать костёр, чтобы поджарить часть мяса, поесть и переночевать – ночью идти всё равно не представлялось возможным. Вечер прошёл радостно и сытно, и мы даже, сидя после обильной еды у костра, сочинили песню про нашу славную охоту и хорошенько запомнили её, чтобы спеть потом, когда вернёмся, нашим матерям, жёнам и сёстрам в обоих наших родах. Только немного удивил нас опять тот мальчик, что прежде убежал в степь, – уже ночью, когда совсем стемнело, он опять отправился один в темноту смотреть на звёзды – всё хотел найти среди них хоть одну неподвижную. И тогда мы даже дали ему имя – Хяга-хастелос, Большой звездой. Так получилось, что он раньше своих сверстников оказался обладателем собственного имени, причём ещё до инициации.

Затем один из кабанов попросил Тхазуса рассказать, как получил своё имя он. Наверняка, тот кабан уже слышал эту историю, потому что она была весьма известная, просто ему хотелось послушать её ещё раз. Подростки, которые, может быть, и не слышали ещё, тоже стали просить Тхазуса рассказать. А Тхазус некоторое время делал вид, что ему недосуг, молча улыбался, разжигая их любопытство, потом не спеша начал рассказывать.

Это было очень давно. Сколько лет и зим минуло, никто не скажет, так как люди не умеют так много считать – лета взрослых вообще не поддаются исчислению – но точно можно сказать, что Тхазус тогда не был ещё взрослым охотником, он был подростком и только готовился к инициации. Взрослые охотники рода, как испокон веков повелось, ходили в другие рода за невестами и, выбрав невесту, после обряда согласия, возвращались с ней обратно в свой род. Подростку, будущему Тхазусу, тоже хотелось невесту, но его, конечно, не взяли, как он ни просил, и один из старших даже хотел всыпать ему за дерзость, но он убежал. Раздосадованный, он решил всё равно отправиться в стоянку другого рода, последовав за старшими тайком. Ему удалось незамеченным добраться следом за ними дотуда, поскольку они, занятые мечтами о невестах, вовсе не смотрели по сторонам. Вот только невесту ему, конечно, никто отдавать не собирался, более того, он не мог даже показаться никому на глаза, не вызвав

тем самым всеобщего гнева. Он мог бы, разве что, спрятавшись в траве, наблюдать обряд согласия, который, впрочем, и так уже не раз видел, когда мужчины из других родов приходили за невестами в наш. Но это его не остановило! Наблюдая за стоянкой, будущий Тхазус выбрал самую красивую девушку, которую звали Калипакас, Прекрасногрудая, уже прошедшую женскую инициацию, и в ночь накануне обряда согласия встретил её один на один, когда она вышла из жилища по нужде. Тхазус не рассказал, как именно ему удалось убедить её, сказал только, что ей почему-то не нравился тот мужчина, которого прочили ей в мужа, а отказаться прямо во время обряда согласия ей было страшно, ведь то был один из самых уважаемых и бывалых охотников по имени Гхерзус, Жёсткий, прозванный так за суровый нрав. А вот дерзкий подросток пришёлся ей как раз по нраву и уговорил её вместе бежать... Понятно, что долго жить одни они не смогли, так как не могли добывать достаточно пищи, и очень скоро они захотели вернуться к нормальной человеческой жизни, и отправились к стоянке нашего рода. Приблизившись, они робко остановились поодаль, а в стоянке, заметив их, одни начали кричать, чтобы проваливали, справедливо называя изгоями, а несостоявшийся муж Калипакас, негодуя на дерзкого мальчишку, укравшего у него невесту, запустил в него копьём. Будущий Тхазус почти увернулся от копья, однако оно всё же оцарапало ему бедро, на землю пролилась молодая кровь! Тут в стоянке начался перепол-

лох ещё больший – получилось, что Гхерзус пролил кровь своего брата, что было совершенно недопустимо и каралось, в свою очередь, изгнанием; с другой стороны, говорили некоторые, он пролил кровь изгнанника, а изгнанник – уже не брат. Нашлись, однако, и те, кто возразил, что обряда изгнания не было совершено ни над юношей, ни, в отсутствии его, над его изображением, а значит, он не изгнанник, а всё-таки брат, – в действительности, его, может быть, и не хотели изгонять, поэтому, наверное, и не совершали обряда. И тут совершенно неожиданно повёл себя сам Гхерзус – он сказал, что горько сожалеет о том, что пролил кровь своего младшего брата и без оружия побежал к юноше посмотреть, насколько опасна рана. Будущий Тхазус, не зная, конечно, зачем тот бежит, решил, что Гхерзус хочет убить его, – ему даже показалось, что тот сжимает в кулаке рубило – однако будущий Тхазус не испугался и, несмотря на юный возраст и рану, поднял с земли крупный камень и, зажав в руке, приготовился к неравной схватке! Это вызвало большое уважение у всех, а особенно, у Гхерзуса! Он объяснил дерзкому юноше, что не хочет его убивать и показал пустые руки. Юноша немедленно бросил свой камень, они пожали друг другу руки, сначала одну, потом другую, затем даже обнялись, и Гхерзус нарёк ему имя – Тхазус... Так Тхазус стал Тхазусом, вернулся в род и Калипакас стала ему женой теперь уже со всеобщего согласия, причём других жён у него никогда не было, потому что он их не хотел, а она рожала много детей

на радость всему роду, и многие из них выживали, и некоторые были теперь уже подростками. А у Гхерзуса, надо сказать, как у большинства давноживущих мужчин, была к тому времени и так уже не одна жена...

Закончив рассказ, Тхазус тяжело вздохнул.

– О чём ты вздыхаешь, – удивились некоторые, – ведь всё закончилось для тебя так хорошо?

– Это совсем другая история, – сказал Тхазус, – мы с Гхерзусом очень подружились и он многому учил Тхазуса и много полезного рассказывал из своего огромного опыта, но однажды он погиб на охоте. С годами его тело перестало быть таким подвижным, как раньше, и однажды он не успел вернуться от рогов и копыт бизона... Ему устроили пышное погребение! Весь род без усталы рыл палками большую могилу, куда его поместили, обрядив в специально сшитую и пышно изукрашенную одежду. Там он лежал во весь рост на ложе, украшенном всей охрой, какую только удалось тогда найти; ему вручили с собой копья, копьеметалку, рубило и различные мелкие инструменты, а также, пищу, чтобы он ни в чём не имел нужды. И над ним возвели прекрасное погребальное жилище из лучших костей и шкур.

– Где его погребение? – спросил кто-то.

– Погребение его у утесов, возле которых одна из наших дальних стоянок, туда можно пойти, оставляя солнце по правую руку. Тхазус навсегда запомнил то место, и всегда сможет показать.

Засыпали мы все вокруг костра под впечатлением от этой истории, и некоторые даже видели её снова во сне. С нами не было только нашего несчастного Хяга-хастелоса – он вернулся утром, когда рассвело, очень замёрзший и расстроенный – ему не удалось найти неподвижную звезду, хотя он всё ещё надеялся найти её на следующую ночь. Тхазус попытался утешить его тем, что утёсы незыблемы, и подложил в затухающий костёр побольше сухой травы и остатки хвороста, чтобы мальчик согрелся. Тем не менее, когда все уже готовы были отправляться в обратный путь, тот всё ещё не мог согреться, чем всех задержал и вызвал у многих недовольство – ведь нас ждали наши голодные матери, жёны и сёстры!

Наконец, мы отправились в путь теперь уже навстречу солнцу, неся на спинах большие куски туш оленей. День прошёл в нелёгком пути с тяжёлыми ношами. Лишь иногда мы делали короткие привалы и быстро отправлялись дальше. Хяга вскоре стал отставать, потому что не выспался ночью, вместо отдыха ища свою звезду; впрочем, вскоре и другие подростки начали отставать, но мы мало беспокоились по этому поводу, так как они знали, куда идти – на солнце – и солнце им поможет найти дорогу.

Вечером, опять разложив костёр и поджаривая мясо, мы дожидались отставших, когда заговорил один из кабанов по имени Ментизус, то есть Разумный, – он считался у них од-

ним из знатоков традиций и вообще был человеком опытным.

– Вчера ворон Тхазус рассказал свою историю, как он нарушил традицию, и как всё для него кончилось хорошо. Но кабан Ментикус хочет рассказать совсем другую историю про нарушение традиции, в научение молодежи, что нарушение традиций кончается вообще-то очень плохо. Эта история тоже произошла много лет и зим назад – столько, сколько люди сосчитать не могут. Оба её главных действующие лица давно мертвы, хотя оба могли бы жить, так как были тогда ещё молоды и полны сил для долгой жизни. Он, имя его теперь забыто, был молодым охотником, только что успешно прошедшим инициацию и гордый этим. Охотники нашего рода отправились в другой род за невестами, а он сказал, что не пойдет, потому что ему по нраву девушка из нашего рода – наша сестра!

Среди слушателей прошёл ропот возмущения; Ментикус, выждав паузу, продолжил.

– Многие говорили ему, что так нельзя, что сотворивший подобное навлечет проклятие на весь свой род, что род, допустивший такое, вымрет! Но тот, чьё имя теперь забыто, не слушал – трудно переубедить молодого гордого охотника! И вот, он взял нашу сестру!

Ропот возмущения вновь прокатился по слушателям.

– Сначала казалось, что ничего страшного не случилось, они жили как все, и некоторые уже стали поговаривать, что

так можно, что брать в жены сестёр – допустимо! Пока, наконец, она не родила первенца... Младенец не был похож на человека, жестоко мучил её в родах и убил, выходя, а затем и сам умер!..

Ментизус опять выждал паузу, пока уляжется ропот ужаса.

– Чтобы отвести проклятие от рода, чтобы у других женщин дети не рождались такими же, молодого охотника, чьё имя теперь забыто, нарушителя традиций, изгнали из рода! И он долго ещё блуждал вокруг стоянки, питаясь жалкими кореньями, но не решаясь вернуться – да его и не приняли бы! Он не мог в одиночку охотиться, чтобы добыть себе достаточно пищи, и со временем ослабел от голода, заболел и умер. Мы потом нашли его в траве мертвым из-за запаха, так как его облюбовали злые духи. Никто не хотел хоронить его, теперь уже дважды оскверненного – сначала нарушением табу, а теперь ещё и злыми духами – но всё же, чтобы самим избежать проклятья непогрешенного мертвеца, мы выкопали ему узкую и короткую могилу, только чтобы он туда помещился, и с отвращением, связав ему руки и ноги и привязав их к туловищу, с трудом запихнули его туда, в узкую могилу! И никто не положил ему ничего необходимого для жизни. Таким – безоружным и связанным – он и остался навечно!..

Повисло тяжёлое молчание, все были подавлены этой поучительной историей.

Тем временем приходили по очереди отставшие подростки. Когда было уже совсем темно и все укладывались вокруг костра на отдых, выяснилось, что всё ещё нет Хяга. Многие стали негодовать на него, другие беспокоились; он опять вернулся утром, когда рассвело, замёрзший и страшно усталый, и взрослые, конечно, наказали бы его, если бы он и без того не выглядел очень несчастным. Наскоро обогревшись у костра, он вяло поплелся за нами и почти сразу отстал. По счастью, до стоянки было уже совсем недалеко. Мы расстались с кабанями, которые отправились к своей стоянке, а мы – к своей.

Итак, мы подходили к нашему жилищу гордо неся на плечах богатую добычу. Женщины выбегали нам навстречу; жёны бросались обнимать своих мужей, матери не могли нарадоваться на своих вернувшихся подростков, многие из которых ходили на охоту впервые. Только одна мать была расстроена – та, которую огорчил ее нерадивый сын Хяга. Мы, как могли, успокоили ее, что он всё-таки жив, хоть и болен, и идёт следом. Тхазус даже предложил остальным, несмотря на усталость, пойти на поиски и, если надо, принести его на руках, как сделали бы со всяким, получившим рану на охоте. Но Хяга вскоре приплелся сам и его мать и другие женщины стали заботиться о нём, предложили ему отвар из целебных трав.

Весь день мы пировали. Вырезая из туш лучшие куски – языки, печень, мышцы спины, – мы поджаривали их на

большом костре, разожженном по этому случаю снаружи жилища. Мяса хватало всем в избытке, оставшиеся куски мы складывали про запас в глубокие ямы, прикрыв их шкурами и привалив от хищников тяжёлыми камнями. За едой мы не спеша рассказывали женщинам о нашей охоте, вместе спели новую песню, а на скале в жилище нарисовали важнейший момент этой трудной, но удачной охоты – схватку с больше-рогими оленями.

Только Хяга нас огорчал своей странной болезнью. Тхазус подробно рассказал его матери, как обстояло дело, затем позвал самого Хяга и стал объяснять ему про незыблемость утесов, что нет необходимости искать на небе неподвижную звезду, когда всё необходимое есть на земле. Хяга почтительно слушал его, не возражая, но вечером, как только стемнело, пошёл прочь от стоянки в темноту. На этот раз его пытались остановить, но он бросился бежать, несмотря на то, что даже не был одет для ночного холода. Он так отчаянно бежал наугад в темноту, что взрослые не смогли его догнать, не решившись так бежать в темноте – тут недолго было, споткнувшись, получить травму! Из-за этого отчаянного безумца, его несчастная мать проплакала всю ночь. Наутро он опять вернулся, опять замёрзший и расстроенный.

Для всех наступили сытые времена, мяса было в избытке, и всё было бы совсем хорошо, если бы не Хяга...

На следующую ночь он опять ушел, несмотря на теперь уже совсем явные признаки поселившегося в нем духа бо-

лезни – жар, и слабость, и обильное истечение из носа. Днём он, как мог, отсыпался, а ночью опять уходил, так что думали уже его связать и положить в дальний угол жилища, но побоялись, что он этого не переживёт, до того он стал слаб от своей болезни.

Наконец, очередным утром, после очередной бессонной ночи, он вернулся как никогда слабым, но очень радостным. Он был так слаб, что даже не смог дойти до жилища, куда его внесли и положили поближе к огню, а он улыбался и сказал, что нашел неподвижную звезду и теперь может любому показать её. Его, конечно, не стали слушать, решив, что он, скорее всего, бредит, да и зачем вообще эта звезда, когда есть утёсы?.. Днём он был очень горячий и мокрый, потом вдруг стал прохладен, но всё ещё бредил про неподвижную звезду тихим-тихим голосом, а затем, вдруг замолчал и стал совсем холоден... Хяга умер.

Между утесов, на видном месте, у жилища ему выкопали могилу – не очень большую, но и не тесную. Тем не менее, ему крепко связали ноги – не со зла, а просто чтобы хотя бы теперь он лежал спокойно и не пошел смотреть на свою звезду. Его мать горько оплакивала его, а Тхазус опустил в могилу отличное рубило, чтобы Хяга не был с пустыми руками; положили также запас пищи. Украсив могилу охрой и сделав сверху небольшое жилище из костей и шкур, мы стали готовиться к переселению на новое место. Испокон веков известно, что когда в стоянке кто-нибудь умирает, это зна-

чит, надо менять место. Иначе злые духи, слетевшиеся на умершего, будут вредить живым. Впрочем, даже когда никто не умирает, мы тоже часто переселяемся, чтобы поспеть за стадами животных в степи. Итак, привычно сняв шкуры и вынув из земли крупные кости, образующие стены нашего жилища, собрав оружие и орудия, и достав из ям оставшееся мясо, мы, нагруженные, тронулись в путь.

Мы держали путь, оставив солнце по правую руку. Впереди, мы знали, будет множество знакомых утесов, где удобно будет расположить жилище. Если же жилище расположить в степи, во время грозы на него может наброситься молния – это очень опасно! Поэтому нет ничего лучше и надёжнее утесов – они защищают и от молний, и от ветра, кроме того, помогают найти путь в степи. Первую гряду утесов мы хотели миновать не останавливаясь, потому что там был когда-то похоронен Гхерзус, а значит, наверняка обитали злые духи. Однако тут вдруг странно повёл себя Тхазус. Он сказал, что хочет пойти посмотреть на могилу Гхерзуса. А мы, мол, можем продолжать путь дальше, если хотим, он без труда нас потом догонит. Как известно, спорить с ним было бесполезно, и мы молча пошли дальше, а он поспешил к отдельно стоящему крупному утесу, где, как он отлично помнил, располагалась могила его старшего друга и учителя.

Ещё по пути он заметно забеспокоился и ускорил шаг – он увидел, что утес этот сильно изменил свою форму! Такое бывает от продолжительных ливней и ветров – утёсы, на

самом деле, меняют форму. Но хуже было другое – оползнем разрушило и саму могилу! Тхазус подходил всё ближе и видел теперь отчётливо разрушившуюся надмогильную постройку, а под ней – он подходил всё ближе – под ней не было прежнего Гхерзуса! Вместо него были лишь жалкие кости, очищенный от всякой плоти так, как даже хищники не обглодали бы! Тхазус спустился в могилу. Нет, злых духов не чувствовалось совсем. На месте оказалось оружие, сохранилась одежда и прочий богатый инвентарь, – только вот как Гхерзусу воспользоваться всем этим без мышц?! То, что от него теперь осталось, выглядело даже более жалко, чем самый исхудавший от голода человек, – если у голодающего, как бы слаб он ни был, остаётся хоть какая-то плоть, здесь же её не было вовсе. Понятно, что в таком состоянии он не мог бы воспользоваться ничем! А если он, как некоторые говорят, где-то в другом мире? Как он там – не только без оружия и припасов, которые тут, но и без собственных костей?! Тхазус завопил, как раненое животное, от ужаса и неизвестности, затем медленно опустился на колени. А что же утёсы? Они вовсе не вечные, и совсем не спасают! Тхазус тихо заплакал. А есть ли тогда та неподвижная звезда, о которой бредил Хяга? Неужели он действительно нашел её и унёс эту тайну с собою в могилу?..

***

Я очнулся от раздумий, передо мной по-прежнему был ноутбук с незаконченным отчётом, и больше ничего. Я встал

и пошел наливать себе ещё кофе. Кофемашина опять послушно шумит. Тонкая фарфоровая чашка, а у тех не было ещё и самой примитивной керамики... Только какая разница?

И насчёт неподвижной звезды я знаю, что есть такая, Полярная, только, на самом деле, и она тоже движется, просто находится вдоль оси вращения земли, только и всего. Всё это вместе движется вокруг центра галактики, или центра вселенной, или... чего там ещё? Во всяком случае, всё проходит, и не видно этому ни начала, ни конца! И тот палеолитический человек, чьё захоронение я теперь описываю, был далеко не первым из людей, а я – далеко не последний... Кто первый и последний? Кто не знает перемены?